

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S241377150017844-1

“...Все мы нигилисты”

© 2021 г. Юлия Кристева

Доктор наук, член Британской академии,
Почетный профессор Университета Пари-7 Дени Дидро,
эспланада Пьер Видаль-Наке, 16, XIII округ Парижа, Париж, Франция
kristeva1612@gmail.com

Резюме. Автор рассматривает явление нигилизма как одну из ведущих тем романов Достоевского и утверждает, что для писателя это не только и не столько общественная язва, “болезнь века”, сколько глубинный личностный изъян, встающий на пути человека к подлинным онтологическим смыслам. Такое понимание, по мнению автора, придает творчеству Достоевского новое звучание в современном контексте, представляет собой глубокий вызов европейской и глобальной, социальной и политической истории.

Ключевые слова: Достоевский, нигилизм, нигилисты, полифонический роман, “Бесы”, глобализация, тоталитаризм.

Для цитирования: Кристева Ю. “...Все мы нигилисты” // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2021. Т. 80. № 6. С. 11–14. DOI: 10.31857/S241377150017844-1

“...We are Nihilists, All of Us”

© 2021 Julia Kristeva

Docteur d’Etat, Member of the British Academy,
Honorary Professor Emeritus of the Paris Diderot University (Denis Diderot Paris VII)
Esplanade Pierre Vidal-Naquet, 16, XIIIe Arrondissement de Paris, Paris, France
kristeva1612@gmail.com

Abstract. The speaker views nihilism as an overriding characteristic of Dostoevsky’s novels and suggests that, for Dostoevsky, nihilism is a deep personal ail holding a human being back from perceiving deep ontological truths, rather than a social ulcer or “a malady of the age”. From this angle, Dostoevsky might receive quite a new reading, challenging the European and global takes on social and political history.

Key words: Dostoevsky, nihilism, nihilists, polyphonic novel, “The Devils”, globalization, totalitarianism.

For citation: Kristeva, Ju. “...Vse my nigilisty” [“...We are Nihilists, All of Us”]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2021, Vol. 80, No. 6, pp. 11–14. (In Russ.) DOI: 10.31857/S241377150017844-1

Событие, которое сегодня собрало нас вместе, бросает двойной вызов глобализированной современности. Вызов, потому что благодаря своей необычайной способности к “проникновению” Достоевский принимает на себя участь пророка нашей современности. Современности, в которой “всё дозволено”: нигилизм и священные войны, фемицид и педофилия. Вызов прежде всего

потому, что эти “откровения” возможны только через чтение, безусловной ценности которого в наши дни угрожает оцифрованное и вирусное человечество. Поэтому одна из задач гуманитария сегодня — пробудить цивилизацию от цифрового сна, по-новому “оплодотворить” ее, вернув к книге. И я благодарна юбилейным торжествам за предоставленную мне возможность сформулировать

свой вариант прочтения текстов русского пророка вокруг такой актуальной темы, как нигилизм.

Уникальный опыт чтения призывает человека обратиться к цивилизационной памяти, стираемой ускоренными темпами цифрового развития. Таким опытом представляется и феномен "русского людоеда" — исследователя закоулков европейской души, явившего миру целую галерею художественных образов, поглощающих демонов этой души.

"[...] Везде-то и во всем я до последнего предела дохожу, всю жизнь за черту переходил", — писал Достоевский поэту А. Майкову (1867) [1, с. 207]. Его творчество, наполненное жизнеутверждающей искренностью вплоть до самой смерти, выводит современного человека, поглощенного сетью Интернет, из киберпространства и предлагает ему сосредоточиться на внутреннем опыте, который я считаю своего рода интимным иммунитетом. Можно сказать, что чтение Достоевского создаёт психические и культурные контрфорсы, необходимые для борьбы человечества за жизнь.

Люблю ли я Достоевского? Могу ли назвать его "писателем моей жизни"? Пожалуй, это слишком ограниченные формулировки, чтобы описать всепоглощающее ощущение обновления, которое вызывают во мне его книги; вокальный диапазон этого вихревого смысла, действия, предпринятого над воплощением Слова с большой буквы, которым является для него человеческая природа, — Слова, которое способно ранить, надоесть или превзойти нас, читателей. Неоднократно мне хотелось отрестить от Достоевского и больше никогда к нему не возвращаться, пока мне в руки не попал гениальный перевод Фёдора Михайловича на французский язык Андре Марковича.

В своей книге "Достоевский перед лицом смерти, или призрачный пол языка" [2] я показываю нового, современного Достоевского через язык его произведений. Творец и его наследие вступают в третье тысячелетие, где наконец-то "всё дозволено". Поколение интернет-пользователей, опираясь на субъективность опыта и невиданное доселе ощущение свободы, уже не страшится ни перейти границы дозволенного, ни, по словам самого Достоевского, "доходить до последнего предела".

Я сопровождаю писателя на эшафот, когда его приговаривают к смерти за "революционные идеи". Я следую за ним на каторгу в Сибирь, откуда берут начало многие его метаморфозы. "Дитя неверия и сомнения", которым он останется до конца жизни, до "гробовой крышки"

[3, с. 176], обнаружит и воссоздаст "народного Христа", который не покинет "нового рассказчика" в "Записках из Мёртвого дома" (1860—1862) и "Записках из подполья" (1864—1865). Ученик каторжан, Достоевский-пророк предвидел возникновение тюремной матрицы тоталитарной вселенной, которая проявила себя с невиданным размахом в эпоху Холокоста и ГУЛАГа и продолжает существовать в современном мире в виде цифровой тюрьмы.

Чтобы противостоять нигилизму и его двойнику — крайнему консерватизму, которые гангреной разъедают мир без Бога и мир с Богом, Достоевский делает новую ставку на силу Слова и силу повествования — «полифонического романа» (Бахтин). Он сотворил это, ведомый православной верой в воплощённое Слово. Романы его — «христоподобны» [christiques], его вера — романистична [romanescque]. Достоевский освободил сферу чувствительного от объективации и интеллектуальности, в которых господствует западное христианство, и именно сила православия приводит романиста к самой сердцевине разрушительного пафоса, скажем — пафоса того же нигилизма, которому расколотые демократии Запада тщатся ответить.

"Нигилизм явился у нас потому, что мы *все нигилисты*. Нас только испугала новая, оригинальная форма его проявления. (Все до единого Федоры Павловичи.)", — писал Достоевский в "предсмертной" тетради [4, с. 54]. "Комический был переполох и заботы мудрецов наших отыскать: откуда взялись нигилисты? Да они ниоткуда и не взялись, а все были с нами, в нас и при нас" ("Бесы") [там же].

Остановимся на этих цитатах. Кто такие "мы"? "Мы" — русские, раздираемые между Европой и Азией, которые притягивают и отталкивают друг друга, очарованные и озадаченные привычками и обычаями противоположной стороны. "Мы" — православные, готовые отдать *пафосу стихии*, жестокому надрыву страстей и жалостливому почитанию икон, — "*настоящие деревенские нигилисты*" ("Влас", "Дневник писателя", 1873 [5, с. 31—41]), до крайности возвышенные и оставляющие позади скучных доктринеров, преданных схоластическим радостям рассудка.

"Мы" — Федор Михайлович, у которого вызывали тошноту социалисты-позитивисты, «убежденные, что на "табула раса" они сразу же построят рай». "Мы" — бывший фурьерист, переживший смертный приговор и эшафот, который не испытывал недостатка в сочувствии к нигилистам:

разве он не считал себя бывшим нечаевцем? ("Дневник писателя", 1873).

"Мы" — не "пассивные" ли это нигилисты, в которых отказ верить или неспособность к пониманию священного порождают безразличие, убежденность в утилитарности мира, его основанности на биологическом материализме и рациональном эгоизме? Или, быть может, "активные" — вроде обыкновенного убийцы, который в грезах видит себя Наполеоном, а оказывается лишь Раскольниковым (от слова "*раскол*" — между старообрядчеством и официальной Православной Церковью, но не стоит ли за ним и великая схизма между католичеством и православием)? Или вроде кого-нибудь из тех "наших", членов "тайного общества революционных поджигателей, мятежников", не устоявших перед чарами Петра Верховенского или соблазненных теориями зловещего Шигалёва, вспоминающих о Парижской коммуне и ее сторонниках, сжигающих Тюильри, которых русская печать именвала "петролейщиками"?

Разрушение демократии под воздействием тоталитаризма, коричневая или красная чума, а также самые разные ультралиберальные искажения, глобализированная автоматизация умов или того, что от них осталось, — все это наследие трагикомической, доленинской программы Шигалёва. Степан Трофимович Верховенский приписывает "шигалевщине" "глубину" грядущего общества потребления: "Шекспир или сапоги, Рафаэль или петролей?" ("Бесы", 1872). Эти слова звучат в настоящем времени.

Раскольников, Ставрогин, Кириллов, Верховенский, Иван Карамазов... Великие герои Достоевского — нигилисты, атеисты, неверящие в Бога, но своим протестом утверждающие свою веру в Него. "Ты поклоняешься Святому Духу, сам того не зная", — говорит Тихон, слушая исповедь Ставрогина ("Бесы"). Кириллов совершает самоубийство "чтобы быть свободным" и "одиноким", но кричит: "Свобода, равенство, братство или смерть!" [6, с. 473]. Для Петра Верховенского очевидно, что этот "гражданин мира" "верит в Бога", "даже хуже, чем папа римский".

Православная Россия могла бы не быть колыбелью нигилизма, если бы тезис Достоевского о том, что "*все мы нигилисты*", не касался бы нас и — в более глубоком и универсальном смысле — "*всех нас*" — красноречивого человечества, "соучастника" небытия и нигилизма. С каких пор? С начала эпохи безудержного либерализма, колониализма, периода активного развития технологий? Или с начала "истории метафизики", которая "защищает нигилизм внутри себя"? Сегодня

письмо Достоевского представляет собой глубокий вызов социальной и политической, европейской и всеобщей истории.

Романы Достоевского — это романы мысли, которые возвышают словесное выражение до предельной многогранности. Нет другого способа (говорит писатель по существу), кроме полифонии текста, чтобы проникнуть в "подполье" нигилизма. Только таким образом можно передать то загадочное наслаждение, которое испытывает Достоевский и которое позволяет нам оставить нигилизм за спиной.

Я уже предвижу вопрос: какое отношение имеет современный интернет-пользователь к этим сумасшедшим нигилистам, Раскольникову и Ставрогину; к святому князю Мышкину с его двойником, разъяренным Рогожиным; к четырем братьям Карамазовым? Но и в наши дни самым радикальным злом из всех мыслимых преступлений остается сексуальное насилие и убийство ребенка: сон Свидригайлова, исповедь Ставрогина — оно преследует самого Достоевского... Между жестокостью и милостью нет иного прощения за преступления, кроме бесконечного его описания.

Поэтому открывайте книги Достоевского и вслушивайтесь. Когда же наконец будет "все дозволено" и у вас не останется больше ни скорби, ни страданий — лишь тревожность, не останется желаний — лишь потребительская лихорадка, не останется удовольствий — лишь быстрое облегчение от множества приложений, а вместо друзей — френды и лайки, когда вы потеряете способность выражаться в почти прустинских фразах "одержимых" Достоевского, но станете опустошать себя в обуюнности кликами и селфи? Что ж, вы входите в резонанс с изнурительными полифониями "святого Досто", который уже предсказал потоки смс, твитов и Instagram, порнографию, протестные движения против педофилии, флешмобы типа #MeToo и нигилистические войны — под видом войн "священных".

Является ли Достоевский нашим современником? Ни больше ни меньше, чем fuga для струнного квартета и симфония с хором Бетховена. Или наследие Шекспира. Или "Комедия" Данте. Дерзкие вызовы в эпоху безвременья.

Переведенный, наверно, на все возможные языки (существует 16 вариантов перевода "Преступления и наказания" только на китайский!), "русский гигант" призывает нас к переосмыслению романа, философии и свободомыслия в Европе и во всем мире.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений в 30 томах. Т. 28. Кн. 2. Л.: Наука, 1985.
2. *Kristeva, Julia.* Dostoïevski face à la mort ou le sexe hanté du langage. Paris, Fayard, 2021. 408 p.
3. *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений в 30 томах. Т. 28. Кн. 1. Л.: Наука, 1985.
4. *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений в 30 томах. Т. 27. Л.: Наука, 1984.
5. *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений в 30 томах. Т. 21. Л.: Наука, 1980.
6. *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений в 30 томах. Т. 10. Л.: Наука, 1974.

REFERENCES

1. Dostoevskiy, F.M. *Pisma. 118. A.N. Majkov. 16 (28) avgusta 1867. Zheneva* [Letters. 118. To A.N. Majkov.

August 16 (28), 1867. Genève]. Dostoevskiy, F.M. *Sobranie sochinenij v 15 tomah* [Collected Works in 15 Vols.]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1996. Vol. 15, p. 314. (In Russ.)

2. Kristeva, Julia. Dostoïevski face à la mort ou le sexe hanté du langage. Paris, Fayard, 2021. 408 p. (In French)

3. Dostoevskiy, F.M. *Pisma. 39. N.D. Fonvizinoj. Konec yanvarya – 20-e chisla fevralya 1854. Omsk* [Letters. 118. To N.D. Fonvizina. The End of January – the 20th of February, 1854. Omsk]. Dostoevskiy, F.M. *Sobranie sochinenij v 15 tomah* [Collected Works in 15 Vols.]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1996. Vol. 15, p. 96. (In Russ.)

4. *Biografiya, pisma i zametki iz zapisnoj knizhki* [Biography, Letters and Notews from the Notebook]. Dostoevskiy, F.M. *PSS. T. 1* [Complete Works. Vol. 1]. St. Petersburg, 1883, p. 370 (The 2nd Pagation). (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 14 октября 2021 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 27 октября 2021 г.

Статья принята к публикации: 30 октября 2021 г.

Дата публикации: 31 декабря 2021 г.

Received by Editor on October 14, 2021

Revised on October 27, 2021

Accepted on October 30, 2021

Date of publication: December 31, 2021